

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*М. Ю. УРНОВ,
В. А. КАСАМАРА*

Национальная идентичность студентов России и США

(сравнительный анализ)

Статья 1. Нормативные представления о своей стране*

В статье сопоставляются некоторые базовые характеристики национальной идентичности российских и американских студентов. Были исследованы взгляды студентов трех ведущих вузов России (МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ) и студентов Принстонского университета (США). В первой части статьи анализируются: нормативные представления о стране как об объекте национальной идентичности (характер отношений страны с другими странами и базовые принципы общественной жизни). Во второй части будут исследованы компоненты отношения к стране, делающие ее объектом национальной идентичности (страновой фаворитизм, уровень критического отношения к стране и специфика проявления чувства долга перед своей страной).

Ключевые слова: национальная идентичность, политические предпочтения, студенты, потенциальные элиты, Россия, США.

Истинный Космополит есть существо
метафизическое или столь необыкновенное
явление, что нет нужды говорить об нем...

Н. Карамзин

Данная работа посвящена сопоставлению некоторых базовых характеристик национальной идентичности студентов, с одной стороны, трех ведущих вузов России – МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ, с другой – Принстонского университета (США). Основная цель – хотя бы в первом приближении очертить контуры одной из важнейших составляющих

---

* Данная работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в 2016 г.

Урнов Марк Юрьевич – доктор политических наук, профессор, научный руководитель Департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Москва, Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail: murnov@hse.ru.

Касамара Валерия Александровна – кандидат политических наук, доцент, заведующая Лабораторией политических исследований факультета социальных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail: vkasamara@hse.ru.

мировоззрения кандидатов в российские элиты. Понятно, что далеко не все выпускники институтов, включенных в наше исследование, попадут в политическую, экономическую или интеллектуальную элиту. Диплома престижного вуза для этого недостаточно. Однако вероятность войти в элиту у наших респондентов все же выше, чем у представителей других групп молодежи с высшим образованием¹. Кроме того, значительная часть выходцев из МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ, не попавших в элиты, окажется в рядах интеллектуалов – группы, существенно влияющей на элиты².

Очевидно, что через 10–15 лет, то есть к тому времени, когда элиты страны начнут активно пополняться представителями поколения нынешних студентов, взгляды наших респондентов в той или иной мере изменятся. Однако значимость изучения их сегодняшних представлений это не умаляет: без знания стартовых позиций понять будущую динамику невозможно.

Целесообразность сравнительного подхода для достижения нашей цели вряд ли нужно специально доказывать. Напомним лишь, что этого требует относительный характер человеческих суждений, подмеченный еще Анезидемом Александрийским, Секстом Эмпириком и Агриппой (см. [*Кирхнер* 1895, с. 637–638]) и сравнительно недавно подробно описанный когнитивными психологами (см., например, [*Helson* 1964; *Kahneman, Miller* 1986]). К сопоставлениям подталкивают и навеянные теоремой Гёделя о неполноте соображения о том, что для сколько-нибудь глубокого понимания любой системы (включая, разумеется, систему ценностных ориентаций) требуется посмотреть на нее не только изнутри, но и извне.

В то же время обоснованность сопоставления кандидатов в нашу элиту с кандидатами в элиту США может вызвать сомнения. В самом деле, по *объективным критериям* такое сравнение не вполне правомерно: США – намного более богатая и стабильная страна, обладающая значительно более зрелой элитой и куда более стабильной системой ценностей. Однако по *субъективным критериям* подобного рода сопоставление представляется оправданным. Сегодня США для России играют роль “зеркала”, глядя в которое наша страна формирует представления о себе. Как отмечают Л. Борусяк и А. Левинсон, в настоящее время в России “постоянно идет сравнение нашей политики и политики США. Каждое действие России, которое может трактоваться как нарушение международных правил, тут же обязательно оправдывается похожими или якобы похожими действиями главного соперника. Если им можно, почему нам нельзя?” [*Борусяк, Левинсон* 2016]. Так что в своем исследовании мы просто использовали образец для сравнения, являющийся привычным (а возможно, и единственно легитимным) для российских элит и общественного мнения.

Выбор национальной идентичности в качестве предмета исследования продиктован ее мощным влиянием на политическое поведение. Распространенные в разных государствах представления о своей стране, о том, какое место она занимает и какое должна занимать в мире, какими должны быть и что в реальности представляют собой ее политические системы, экономика, культура, относятся к числу важнейших факторов, влияющих на внутривнутриполитические процессы и международные отношения. Используя термин, предложенный Ф. Конверсом, можно сказать, что национальная идентичность играет роль “психологического ограничителя” в процессе отбора политических оценок и действий [*Converse* 1964, p. 211].

¹ Так, в 2015 г. выпускники МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ занимали 14 из 40 руководящих должностей в администрации Президента РФ и 5 из 8 вице-премьерских постов в Правительстве РФ; двое были заместителями министров РФ (Министерство экономики, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды), один – губернатором (<http://kremlin.ru/>; <http://government.ru/gov/>; <http://governors.ru/>). Согласно данным внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ, около 45% выпускников факультетов социально-политической и экономической направленности этого вуза начинают свою профессиональную карьеру в федеральных, региональных и муниципальных органах власти.

² О влиянии интеллектуалов на формирование национальной идентичности см., например, [*Weber* 1978, Vol. 2, p. 925–926; *Lipset* 1963, p. 66–67].

В качестве научной проблемы национальная идентичность – столь же привлекательна, сколь и сложна. Р. Брубекер и Ф. Купер отметили, что идентичность “тяготеет к тому, чтобы значить слишком много (когда понимается в широком смысле), слишком мало (когда понимается в узком смысле) или не значить вообще ничего (из-за своей полной или неопределенности)” [Brubaker, Cooper 2000, p. 1]³, а М. Брюер назвала ситуацию в исследованиях социальной идентичности “концептуальной анархией” [Brewer 2001, p. 116]. За прошедшие с тех пор полтора десятилетия мало что изменилось. Отсутствие общепринятых подходов не позволяет избежать хотя бы минимального теоретизирования в нашей, по преимуществу эмпирической, работе и вынуждает начать с уточнения основных используемых понятий. Требования формата статьи сделали невозможным сколько-нибудь подробный теоретический анализ конкурирующих между собой доктрин и аналитических парадигм изучения национальной идентичности. Кроме того, они вынудили нас предельно сократить публикуемый список литературы, использованной при подготовке данной работы.

Разделяя озабоченность И. Шапиро затруднениями, которые в современных научных исследованиях порождаются “ориентацией на метод в противовес ориентации на проблему” [Шапиро 2011, с. 110], мы принципиально не относим себя к приверженцам ни одной из существующих методологических традиций анализа национальной идентичности⁴. Более того, мы полагаем, что эти направления не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга, делая акцент на различных аспектах одного явления. И потому считаем не только возможным, но и желательным в той мере, в какой это диктуется потребностями исследования, придерживаться методологической эклектики и по мере необходимости использовать аналитические инструменты и концепции, разработанные самыми разными школами.

Едиственная методологическая позиция, которой мы *постараемся* придерживаться, – это субъективистский подход к национальной идентичности. Здесь мы ни в коей мере не претендуем на оригинальность, а следуем традиции, общие положения которой ассоциируются с именами З. Фрейда, К. Левина, Л. Фестингера, Р. Дельгадо и различные аспекты которой применительно к интересующей нас проблеме были развиты Э. Эриксоном, Г. Таджфелом, Дж. Тернером, Ш. Страйкером, П. Бёрком, Дж. Макколлом, Дж. Саймонсом, Х. Маркус и др. (см., например, [Фрейд 2014; Левин 2000; Эриксон 1996; Burke, Stets 2009; Delgado 1957; Festinger 1954; Markus 1977; McCall, Simmons 1978; Stryker 2002; Tajfel 1981; Tajfel, Turner 1979; Turner 1975; Turner, Oakes 1986; Turner, Hogg, Oakes, Reicher, Werherell 1987] и др.).

Мы рассматриваем национальную идентичность как одну из компонент индивидуальной социальной идентичности, то есть как элемент⁵ “сети” [Stryker, Burke 2000], “карты” [Greenfeld, Eastwood 2009], “я-концепции” [Tajfel 1981], “социального я” [Turner, Oakes 1986], “я-схемы” [Markus 1977], субъективных связей индивида с многообразными элементами социума – группами, институтами, идеями или в самом общем плане – с социальными категориями [Stryker, Burke 2000]. Эти связи образуют систему представлений индивида о своей принадлежности к различным элементам социума (содержание этих представлений составляют приписываемые элементам социума субъективные/личностные смыслы, характеристики опыта взаимодействия с ними и т.п.) [Deaux 1993].

³ Вот один из примеров “блестяще неопределенного” определения идентичности: “Под идентичностью я понимаю что-либо, что человек произвольно использует для представления себя в символической форме” [Inoguchi 2009, p. 241].

⁴ Конструктивизм, бихевиоризм, теории социальной или ролевой идентичности, символический интеракционизм; психологический, социально-психологический или социологический подходы и пр.

⁵ “...мы не можем предполагать, что для большинства людей национальная идентификация – когда она существует – исключает или... превосходит по значимости множество остальных идентификаций, которые образуют социальное бытие. Фактически она всегда сочетается с другими идентификациями, даже если ощущается более важной, чем другие” [Hobsbawm 1992, p. 11].

В индивидуальной системе идентичностей нация выступает в качестве “психологической группы” [Turner, Oakes 1986] или “воображаемого сообщества” [Anderson 2006]. Принадлежность к этому сообществу позволяет человеку ощущать “прелесть *gemeinschaft*” [Anderson 2006, p. 143] или “эмоциональное единство с другими” [Allport 1954, p. 293]. К. Левин называл это ощущение чувством “мы” или с акцентом на временную перспективу – переживанием “взаимозависимости судеб”, которое считал основным критерием принадлежности к группе [Левин 2000, с. 194, 345].

Говоря о национальной идентичности в системе (“сети”) индивидуальной идентичности, важно иметь в виду, что ее понимание и значимость могут под воздействием разного рода обстоятельств меняться, причем меняться достаточно быстро [Hobsbawm 1992, p. 11]. Подобные изменения, естественно, будут сказываться на общем восприятии человеком своего положения в социуме, а при массовом распространении – на системе доминирующих в обществе ценностей, представлениях о патриотизме, сплоченности общества, специфике внутри- и внешнеполитических решений и пр.⁶

Национальная идентичность имеет множество аспектов и может рассматриваться под самыми разными углами зрения. В нашем исследовании мы сконцентрируемся на стране как на объекте национальной идентичности и на некоторых аспектах отношения к стране, делающих ее объектом национальной идентичности.

Страна как объект национальной идентичности

Предельно упрощая ситуацию, существующие в современной науке и массовом сознании представления об объекте национальной идентичности можно классифицировать по относительной значимости в них следующих трех компонент: политической (общее гражданство/подданство/государство); этнической (общая генетическая основа) и культурной (общность языка, веры, обычаев, эстетических и этических ценностей и пр.). В американских и западноевропейских научных концепциях национальной идентичности ключевым элементом представлений о нации является сегодня политическая компонента. Это предельно сближает понятия “нация” и “страна”, наделяя их такими общими характеристиками, как *общая территория, суверенитет над территорией, суверенность, гражданство, национальное государство, единая политическая система, политическое влияние, политическая основа, политическая/идеологическая природа* и пр.⁷

В массовом сознании США и Западной Европы политическая составляющая национальной идентичности также преобладает. Судя по словарям синонимов английского, немецкого, французского, итальянского и испанского языков, слова “нация”, “страна” и “государство” – ближайšie по смыслу понятия. Этническая и культурная компоненты в понимании нации здесь, разумеется, присутствуют, причем в разных странах оказываются выраженными с разной интенсивностью⁸, но занимают подчиненное положение относительно компоненты политической. Так что с точки зрения содержания преобладающую сейчас в западных странах национальную идентичность можно было бы назвать страновой или, расширяя трактовку Ф. Глисона, политической идентичностью, которая обладает не только этнической, но и культурной инклюзивностью⁹.

Впрочем, так было не всегда. Идея политической нации была популярна в XVIII в. – веке рационализма и просвещения, то есть в период еще не разрушенного влияния утопий Т. Мора, Т. Кампанеллы и С. де Бержерака, питавшихся рационализмом

⁶ Впрочем, изменения могут наблюдаться не только в том, что касается национальной идентичности, но и охватывать всю систему индивидуальной идентичности (см., например, [Reynolds, Turner, Branscombe, Mavor, Bizumic, Subasic 2010]).

⁷ См., например, [Калхун 2006; Anderson 2006; Breuilly 1994; Citrin, Reingold, Green 1990; Gellner 1983; Greenfeld, Eastwood 2009; Hobsbawm 1992; Kohn 1957; Primoratz 2015; Sorokin 1967; Westle 2011; Wirth 1936].

⁸ О существующей между различными национальными культурами разнице в акцентах на отдельных компонентах идентичности см., например, [Иванова, Мазилова 2009; Пинто 1996; Хантингтон 2004; Brubaker 1992; Citrin, Reingold, Green 1990; Greenfeld 1992; Greenfeld 2001; Smith 1988; Weiss 2003].

⁹ “Политическая идентичность, обладающая этнической инклюзивностью (ethnically inclusive political identity)” [Gleason 1980, p. 33].

“Государства” Платона. Именно в это время “патриотизм” в качестве термина возникает в европейских (включая русский) языках¹⁰. Однако в первые десятилетия XIX в. романтизм с его пафосом истории, традиций и народной специфичности возродил куда более древнее, чем политическое, этническое, племенное чувство общности, наполнил им понятие “нация” и на много лет обеспечил сосуществование и конкуренцию политической и этнической трактовки этого понятия¹¹.

Конфликтность этих двух пониманий нации довольно подробно описал Ю. Хабермас [Хабермас 2008, с. 197–229]. Одну из важнейших причин здесь он видел в столкновении двух принципов свободы: коллективного понятия национальной свободы, связанного с этническим пониманием нации и универсалистскими понятиями индивидуальной свободы, связанными с политической трактовкой нации¹². М. Вебер был свидетелем того, как после Первой мировой войны этот конфликт разворачивался на межстрановом уровне: в Италии и Германии набирала популярность идея нации-этнуса, Великобритании и Франция склонялись к политической интерпретации нации. Говорить о существовании общепринятого понимания национальной идентичности в такой ситуации было невозможно. Так что Вебер предпочел воздержаться от введения ее точного определения и писал лишь о тенденции к сближению понятий “нация” и “страна” [Weber 1978, p. 395, 397, 398, 922].

После Второй мировой войны этническая национальная идентичность по понятным причинам оказалась в Европе в роли культурного маргинала. В конце 1970-х гг. появилась “чисто политическая” страновая концепция идентичности, не только не отягощенная какой бы то ни было этничностью, но демонстративно отторгающая связь с последней. Речь идет о концепции “конституционного патриотизма”, предложенной Д. Штернбергером для характеристики лояльности к отечеству, отождествляемому с республикой, конституцией и свободой [Sternberger 1990, S. 11–31], то есть о “постнациональной идентичности”, сформированной на универсалистских принципах правового государства и демократии” [Хабермас 2005, с. 141]. Параллельно на фоне интеграционных процессов начала формироваться надстрановая (общеевропейская) политическая идентичность, на которую в конце XX в. порой смотрели как на набирающую силу естественную преемницу страновой идентичности, более соответствующую новым условиям.

Между тем сегодняшние взгляды на страновую идентичность и ее роль в структуре социальной идентичности уже далеко не столь пессимистичны, как пару десятилетий назад. С одной стороны, становится понятно, что интеграционные процессы, распространение электронных коммуникаций и элементов культуры постмодерна/“ценностей самовыражения” (см. [Inglehart, Baker 2000; Welzel, Inglehart 2008]) создают благоприятные условия не столько для вытеснения страновой политической идентичности, сколько для ее обогащения элементами “субнациональными” (термин С. Хантингтона [Хантингтон 2004, с. 25]) и наднациональными (региональными, цивилизационными). С другой стороны, новое “великое переселение народов” обостряет межнациональные отношения, усиливает роль этнической компоненты идентичности и способствует оживлению шовинистических идеологий. Но одновременно межэтническая напряженность стимулирует и политическую идентичность, так что в западных странах, по крайней мере пока, рост этой напряженности проявляется не только и не столько в усилении

¹⁰ В английском языке слово *patriotism* в значении *public-spiritedness* впервые появляется в 1720-е гг. [Berns 2008]. Наиболее ранняя цитата со словом *patriotism*, содержащаяся в Oxford English Dictionary, относится к 1716 г. В Россию это слово пришло из Западной Европы во времена Петра I [Преображенский 1910–1914, т. 2, с. 27].

¹¹ Крупнейший романтик следующего, XX в. О. Шпенглер описывал становление нации как эволюцию от расы – единства “почвы и крови” к народу – единству души и далее к нации – единству идеи [Шпенглер 2009, с. 145–242].

¹² Какое из этих понятий свободы древнее, можно судить по исследованию Э. Бенвениста, показавшего, что современное слово “свободный”, понимание которого ассоциируется с либеральными ценностями, в древних индоевропейских языках обозначало принадлежность человека к “группе людей, объединенных общностью рождения или дружескими отношениями” [Бенвенист 1995, с. 212].

расистских или ультранационалистических настроений, сколько в интенсификации требований совершенствования работы политических институтов, обеспечивающих соблюдение принципов либеральной демократии в новых, куда более сложных, чем раньше, условиях. В Европе это сопровождается некоторым усилением евроскепсиса – снижением популярности надстрановых институтов ЕС и соответствующим ростом “старой доброй” страновой политической идентичности. Согласно некоторым прогнозам, в ближайшем будущем “Европу определит возвращение национального государства в качестве основной формы политической жизни на континенте. Число национальных государств, вероятно, будет увеличиваться по мере того, как разнообразные сепаратистские движения будут добиваться успеха – разделения стран на составные части или прямой сецессии. Это будет особенно заметно в ближайшие несколько лет, потому что общеевропейский кризис усилит политическое и экономическое давление” [SGI 2015]. Учитывая сказанное, можно предположить, что в обозримой перспективе в Европе и в целом на Западе за страновой/политической идентичностью сохранится роль “одной из самых важных форм группообразования” (см., например, [Schatz, Staub, Lavine 1999, p. 152]), сравнимой по значимости с христианской идентичностью для европейского Средневековья [Greenfeld, Eastwood 2009, p. 271].

В России последних ста лет динамика представлений о национальной идентичности была иной, чем в западных странах. Большевицкий переворот 1917 г. поначалу повлек за собой категорический официальный отказ от понятия “нация”. Однако к середине 1920-х гг. в условиях рухнувших надежд на мировую революцию пустующее место национальной идентичности стало заполняться образом социалистической Родины – надежды мирового пролетариата, противостоящей мировому капиталистическому окружению. Этническая составляющая этой идентичности то усиливалась (достигнув максимума к 1953 г.), то ослабевала, но самостоятельно существовать ей официально не позволялось. Советской идеологией ей отводилась роль “национальной формы”, а точнее, форм – русской (доминантной) и всех остальных, – наполняемых социалистическим содержанием. После распада СССР и образования России русская и прочие этнические идентичности избавились от официальных ограничений и оформились в качестве отдельных концепций, в своих крайних формах противостоящих политическим идентичностям.

В результате сегодняшняя ситуация в России характеризуется отсутствием доминирующих представлений о национальной идентичности и в большей мере напоминает Европу времен Вебера, чем Европу современную. Как следствие в российской науке единственной общей точкой зрения стало признание кризиса национальной идентичности, на фоне которого наблюдается не сближение, а борьба между ее различными интерпретациями. В дискуссиях сталкиваются¹³:

– последовательные доктрины гражданской/политической идентичности [Тишков 2013; Тренин 2006; Иванова 2010; Ярская-Смирнова 2007];

– концепции, в которых главную роль играет этничность [Вдовин 2007; ДРИ 2014; Лебедев 2007; Немыченков 2014];

– концепции по преимуществу культурные, в том числе идеологические и религиозные (эта группа представлена взглядами И. Чубайса [Чубайс 2014]), и противоположные по идеологическому “заряду” концепции идентичности на основе “новой официальной идеологии”, включающей просоветские и антилиберальные/антизападные компоненты (например, [Иванова 2007]);

– разнообразные и не менее противоположные по установкам доктрины смешанного типа (проект С. Кортунова, объединяющий либеральные политические ценности во внутренней политике с идеями специфической культурной миссии русского суперэтна [Кортунов 2009]; культурно-политическое антизападное и антилиберальное евразийство в версиях А. Дугина [Дугин 2014], А. Панарина [Панарин 1995], К. Татарского

¹³ Приводимый перечень работ далеко не полон; мы включили в него только те публикации, которые показали нам наиболее концептуально значимыми и интересными.

[Татарский 2007]; российская “территориально-государственная идентичность... союза народов, ядром которого являются русские” [Кучуков 2007, с. 605] и др.).

Современные словари русского языка понятия “нация” и “страна” к синонимам не относят, а в массовом сознании представления о нации как об этнической общности и о стране как об общности гражданской/политической воспринимаются по-разному и, соответственно, играют роль различных объектов идентичности. Что же касается типов идентичности, то нынешнее российское массовое сознание заметно менее плюралистично, чем российская наука и массовое сознание Европы времен Вебера. И хотя, по словам Л. Дробижевой, “современная идентичность россиян” представляет собой “сложный конгломерат новой российской идентичности, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей” [Дробижева 2007, с. 2], доминантными, согласно социологическим опросам, на сегодняшний день являются два типа идентичности: гражданская/политическая идентичность и идентичность смешанного типа, в которой ведущую роль играет этничность, претендующая на подчинение себе политической компоненты. Перефразируя Глисона, такую идентичность можно было бы назвать идентичностью этнической, обладающей политической инклюзивностью (*politically inclusive ethnic identity*). Для русского этноса эта идентичность выражается ксенофобским лозунгом “Россия для русских”, который, по данным ВЦИОМ, в 2014 г. “скорее поддерживали” 40% опрошенных граждан страны (в том числе 52% учащихся и студентов), “скорее не поддерживали” чуть более 50%, а остальные затруднились ответить” (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=993&q_id=68207&date=23.11.2014).

Разумеется, в подобной ситуации не стоит ждать, что множество смыслов, связанных со словами “патриотизм” и “страна”, которые бытуют в современной российской и западной культурах, окажутся тождественными. Вместе с тем в качестве слов-символов, служащих для описания объектов идентичности в России и на Западе, понятия *страна, country, pays, país, land* все же ближе друг к другу, чем понятия *нация, nation, nación, Nation, Volk*, хотя бы в силу большей нагруженности первых универсальным политическим содержанием.

Относительная близость смыслов, вкладываемых в понятие “страна”, и его политологическая значимость стали основными причинами, по которым для сопоставления объектов идентичности мы остановились именно на нем: в количественных сравнительных исследованиях имеет смысл по возможности сопоставлять более или менее сопоставимое. В дальнейшем, чтобы не создавать терминологической путаницы, мы вместо понятия “национальная идентичность” будем пользоваться словосочетанием “страновая идентичность”.

Процедуры исследования, характеристики выборки, подходы к анализу эмпирических данных

Сбор первичной информации осуществлялся с помощью анкеты, разработанной М. Урновым (НИУ ВШЭ) и Б. Розенфельд (Принстон). Она была ориентирована на выявление следующих аспектов страновой идентичности.

Прежде всего мы стремились выделить сам *объект идентичности* с помощью выявления нормативных представлений о своей стране. Здесь нас интересовали:

- желаемые отношения страны с окружающим миром;
- устройство общества (желаемый политический режим, содержательные трактовки процедурной, дистрибутивной и карающей справедливости).

Следующей задачей было определение *отношения к объекту идентичности*. Для этого сосредоточились на выявлении компонентов отношения к своей стране:

- страновой фаворитизм (цивилизационно-временная развертка);
- выраженность гражданского отношения к стране;
- специфика проявления чувства долга перед страной.

Взгляды респондентов не только отражают разные аспекты их страновой идентичности, но и могут – в более широком контексте – служить индикаторами соотношения популярности среди них ценностей индивидуалистической/либеральной и коллективистской/авторитарной культур¹⁴. Сравнение культурных профилей исследуемых групп представлялось нам одной из важных с прогностической точки зрения задач работы.

Опрос был проведен осенью–зимой 2014 г. В России он проводился методом личного интервью, в США анкета рассылалась по Интернету. Что касается выборки, то в России квотировалось число опрошенных в каждом из трех вузов, и внутри квоты каждого вуза – гендерный состав и соотношение студентов первого-второго и более старших курсов; в пределах каждой квоты отбор респондентов осуществлялся методом снежного кома. В США, в Принстонском университете, квотировались гендерный состав и соотношение студентов первого-второго и более старших курсов; в пределах каждой квоты отбор респондентов носил случайный характер. Нарочитая квотность выборок объясняется стремлением сделать сравниваемые группы максимально похожими друг на друга по формальным критериям и тем самым по возможности очистить результаты сравнения представителей студенчества России и США от влияния специфики включенных в исследование вузов.

Таблица 1

Целевые и фактические характеристики выборок

	Россия		США	
	цель	факт	цель	факт
Число опрошенных	1500*	1399*	500	382**
Пол респондентов (в %)				
Мужчины	50	45	50	40
Женщины	50	55	50	60
Время обучения в вузе (в %)				
1–2-й курс	50	52	50	46
3-й курс и старше	50	48	50	54
Средний возраст респондентов	20	20	20	20

* В России предполагалось опросить по 500 студентов каждого вуза. В ходе исследования произошли некоторые отклонения от заданной цифры: 496 – МГУ, 363 – МГИМО и 540 – НИУ ВШЭ.

** Всего был опрошен 451 студент. В анализ были включены только студенты – граждане США.

Полученные в ходе сбора первичной информации массивы данных несколько отклонились от целевых характеристик выборок (см. табл. 1). Для устранения этого смещения данные были перевзвешены (впрочем, исходные результаты и результаты, полученные после перевзвешивания, в подавляющем большинстве случаев статистически друг от друга не отличались). Проводимый нами анализ эмпирических данных был нацелен не на изучение структуры индивидуального сознания участников исследования, а на сопоставление распространенности в группах респондентов тех или иных представлений и установок. Теперь рассмотрим полученные данные.

¹⁴ Литература, посвященная анализу этих культур, необозрима. Упомянем здесь лишь некоторые из работ, на которые мы непосредственно опирались при формулировании вопросов анкеты. Индивидуалистическая vs коллективистская культура: [Вайнек 2006; Триандис 2007, с. 214; Hofstede, McCrae 2004; Hui 1988; Iyengar, DeVoe 2003; Oyserman, Coon, Kimmelmeier 2002; Shurluf, Hattie, Dixon 2007]. Либеральная vs авторитарная культура: [Опуэлл 1992; Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson, Sanford 1982; Barker 1963; Eysenck 1954; Gaus, Courtland, Schmidt 2015; Hayek von 1944; Johnston 2007; Jones 2007; Kimmelmeier, Burnstein, Krumov, Genkova, Kanagawa, Hirshberg, Erb, Wiczorkowska, Noels 2003; Lim 2007; Martin 2001; O'Neill 2008; Samelson 1986; Spector 2006].

Нормативные представления о своей стране

Страна и мир. Представления об отношениях своей страны с окружающим миром, которые К. Гаджиев удачно назвал “геополитической идентичностью” [Гаджиев 2011, с. 4–5], а Л. Гринфельд и Дж. Иствуд – “национальным образом мира” [Greenfeld, Eastwood 2009, p. 258], относятся к числу важнейших составляющих образа страны как объекта идентичности¹⁵. Из множества этих представлений мы выбрали для анализа только мнения респондентов о том, должна ли их страна стремиться к доминированию над другими странами.

В теории международных отношений ставка страны на господство в мире ассоциируется с поведением великой державы/супердержавы. В 1920-е гг. Вебер говорил о великих державах как о странах, которые “по собственной воле определяют и обеспечивают масштабы своего участия в глобальных политических и экономических процессах”, равно как и “меру своей ответственности за распределение власти и престижа между ними и другими политиями” [Weber 1946, p. 161, 172]. В настоящее время такое понимание термина “великая держава” общепринято¹⁶.

В концепциях авторитарной личности отношения с окружающим миром, построенные на господстве/подчинении/неравенстве, или, говоря словами Э. Фромма, отношения “садомазохистского” типа [Фромм 2006, с. 182], рассматриваются в качестве одной из фундаментальных составляющих авторитарной культуры. С этой точки зрения ответы на вопросы о желательности/нежелательности доминирования страны в мире представляют собой зависящую от уровня авторитарности проекцию личностных установок граждан на внешнюю политику своей страны.

Чтобы определить распространенность в исследуемых группах желания видеть свою страну господствующей над другими странами, респондентам предлагалось ответить, в какой мере они согласны или не согласны с утверждениями “Наша страна может существовать только как великая держава” и “Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать”. Ответы представлены в таблице 2, из которой видно, что у российских студентов пафос великодержавности выражен значительно сильнее, чем у американских: доля считающих *единственно приемлемым международным статусом страны положение великой державы* среди российских респондентов была в три раза выше, чем среди американских.

Сопоставление полученных результатов с данными общенациональных опросов не претендует на точность из-за разницы формулировок вопросов. Тем не менее оно дает основание полагать, что популярность идеи великой державы у российских студентов выше, чем в среднем по стране, тогда как у американских – ниже. В 2014 г. доля россиян, стремящихся видеть страну “великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны”, равнялась 48% [ОМ 2015, с. 38]; полученный нами студенческий показатель (62%) был выше этого уровня в 1,3 раза. Удельный вес американцев, считающих, что США должны играть роль единственного или самого активного мирового лидера, в 2013 г. был равен 32% [PRC 2013, p. 18]. Между тем у американских студентов поддержка сходной по смыслу идеи составляла 23%, то есть была в 1,4 раза слабее.

Не исключено, что отличия позиций российских и американских студентов от взглядов “среднестатистических” граждан их стран обусловлены чувствительностью студентов к динамике общественных настроений. В России начиная с середины 2000-х гг. “спрос” на великую державу устойчиво возрастал, тогда как в США – снижался. По данным Левада-Центра, в 2005–2014 гг. доля россиян, желающих видеть страну великой державой, выросла в 1,3 раза (с 36 до 48%), а считающих ее уже таковой – в 1,6 раза

¹⁵ См., например, трактовку образа страны в [Boulding 1959; Deutsch, Merritt 1965; Herrmann 2003]. О значении оценок внешней среды и взаимодействия с ней в формировании групповой идентичности см. [Brewer 1979; Deaux 1993; Ellemers, Kortekaas, Ouwerkerk 1999; Kinket, Verkuyten 1999; Tajfel 1981; Turner, Oakes, Haslam, McGarty 1994; Tversky, 1977].

¹⁶ Смысл веберовского определения воспроизводится в наиболее влиятельных англоязычных и российских словарях и энциклопедиях (см., например, [DWH, OEMW http://universal_ru_en.academic.ru/]).

Отношения своей страны с окружающим миром: нормативные представления
(в % к числу опрошенных без затруднившихся ответить)

Согласие/несогласие с утверждением:	Россия N=1399	США N=382
Наша страна может существовать только как великая держава*		
Согласен + Скорее согласен	62	23
Не согласен + Скорее не согласен	29	73
Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать		
Согласен + Скорее согласен	38	4
Не согласен + Скорее не согласен	57	94

* В части российских анкет это утверждение звучало более драматично: “Для нашей страны перестать быть великой державой было бы катастрофой”. Однако на распределение ответов изменение формулировки вопроса практически не повлияло. В американской анкете вместо “великая держава” использовался термин *superpower*, поскольку, по мнению американских партнеров, понятие *great power* у американских студентов имеет четкие отрицательные коннотации.

(с 40 до 63%) [ОМ 2015, с. 38, 39]. Для сравнения: удельный вес американцев, полагающих, что США должны быть мировым лидером, в 2005–2013 гг. снизился в 1,2 раза (с 37 до 32%), а доля убежденных, что в эти годы позиции США как мирового лидера остались *неизменными* или *улучшились*, сократилась в 1,7 раза (с 76 до 44%) [PRC2013, p. 15, 18].

Мнение о том, что *необходимое условие уважения к стране – страх перед ней*, не пользуется поддержкой большинства ни российских, ни американских студентов. Однако среди российских студентов число верящих в необходимость “сеять страх” на соседей было почти в 10 раз больше, чем среди американских (38 против 4%). Причем позиция российских студентов тут очень близка настроениям, характерным для общероссийской выборки, тогда как американские студенты были намного миролюбивее своих соотечественников. В 2014 г. доля российских граждан, желающих видеть свою страну “непобедимой”, составила 36% [ОМ 2015, с. 33], то есть практически совпала с долей воинственно настроенных российских студентов в нашем исследовании. Между тем доля американцев, согласившихся с утверждением, что “военная мощь” США – лучшее средство обеспечить мир, в этом же году была равна 30% [PRC 2014^b, p. 63], то есть в 8 раз превышала долю американских участников нашего исследования, желающих, чтобы их страну боялись (4%)¹⁷.

Связь между великодержавностью и стремлением держать в страхе окружающий мир (или, выражаясь более академически, стремлением опираться во внешней политике на жесткую силу¹⁸) у российских студентов была значительно более тесной, чем у студентов американских. Среди тех, кто полагают необходимым для своей страны быть великой державой, доля считающих, что ее должны бояться, составила у российских респондентов 50%, а у американских – только 16%.

Итак, большинству опрошенных нами российских студентов хотелось бы видеть Россию великой державой, тогда как американские студенты по преимуществу полагали,

¹⁷ Заметим попутно, что, согласно данным World Values Survey (WVS), в 2006–2011 гг. в США в ответах на вопрос “Что является самым важным приоритетом для вашей страны?” популярность позиции “обеспечение сильной обороноспособности” в целом по общенациональной выборке снизилась с 29 до 13%. В России за тот же период поддержка “обеспечения сильной обороноспособности” на общенациональном уровне почти не изменилась (12% в 2006 г. и 10% в 2011 г.) (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>; номера вопросов V 69, 60).

¹⁸ О жесткой силе и ее компонентах см. [Nye 2008].

что США могут без этого обойтись. Кроме того, в представлениях о великой державе российские студенты оказались заметно более агрессивны, чем американские.

Устройство общества. Нормативные взгляды респондентов на устройство общества определялись по следующим позициям.

1. Представления о желаемом политическом режиме – отношение к институтам политической демократии.

2. Представления о справедливости¹⁹, в которые включались:

– *процедурная справедливость* (оценивалось отношение к равенству перед законом, равноправию, дискриминации меньшинств);

– *дистрибутивная справедливость* (отношение к проблеме ответственности человека за свое благосостояние, неравенству доходов);

– *карающая справедливость* (отношение к суровости наказаний за преступления).

В США отношение к институтам политической демократии и включенным в исследование аспектам процедурной и дистрибутивной справедливости определяет содержательную специфику американского образа жизни и американской идентичности²⁰. В России отношение к этим аспектам общественного устройства находится в центре дискуссий, посвященных постсоветской страновой идентичности.

Сходство российского и американского подходов к страновой идентичности не должно удивлять. Оно во многом определяется упоминавшимся в начале работы свойственным российской культуре механизмом самооценки – ориентацией на “зеркальный имидж/*mirror image*”, то есть имидж, который опирается не столько на собственные культурные образцы, сколько на принятие или отрицание образцов чужой культуры [Bronfenbrenner 1961]. По замечанию И. Феоктистова, «самоопределение русской (в широком смысле) нации всегда происходило не на основе формирования “внутренних нематериальных символов”, а на основе противопоставления символам иных наций... Иначе говоря, на вопрос: “Кто мы?” русские отвечали (и продолжают отвечать): “Мы – не они”» [Феоктистов 2004, с. 8]. Начиная примерно с Ивана III, то есть с XVI в., и до 1917 г. “зеркалом” для России служила Европа²¹. В советский и постсоветский период роль главного зеркала стали играть США.

Что касается отношения к суровости наказаний, то эта позиция в теориях политических режимов большой популярностью не пользуется – отчасти из-за нелюбимого институционалистами ярко выраженного психологизма, отчасти потому, что на вопрос “Что есть суровое наказание?” общепринятого ответа не существует. Между тем отношение это важно, так как серьезно влияет на моральный климат общества. Кроме того, многократно подтверждавшееся на практике замечание Ш. Монтескье о том, что “строгость в наказаниях более уместна в деспотических государствах, принцип которых – страх, чем в монархиях и республиках, которые имеют своим двигателем честь и добродетель” [Монтескье 1999, с. 78], позволяет использовать рассматриваемую характеристику для сравнения склонности изучаемых сообществ к либеральным или авторитарным ценностям.

Отношение к институтам политической демократии. Данные таблицы 3 показывают, что значимость институтов политической демократии оценивается российскими студентами несколько ниже, чем студентами американскими. Однако эти различия не имеют качественного характера. В обеих группах численность тех, для кого

¹⁹ О процедурной, дистрибутивной и карающей справедливости см. [Гулевич 2011; Полз 2010; Clayton, Opatow 2003; Deutsch 2011; Lamont, Favor 2014; Phelps 1987; Tyler, Blader 2003; Walen 2015].

²⁰ См., например, [Citrin, Reingold, Green 1990; Delameter, Katz, Kelman 1969; Feldman 1988; Gleason 1980; Huntington 1981; Kohn 1957; Lipset 1963; McClosky, Zaller 1984; Smith 1988; Wildavsky 1982; Williams 1960].

²¹ В 1904 г. святитель Николай Японский темпераментно и раздраженно писал об этом так: “За что бы нас любить и жаловать?.. Верхний класс – коллекция обезьян – подражателей и обожателей то Франции, то Англии, то Германии и всего прочего заграничного... И при всем том мы самого высокого мнения о себе: мы только истинные христиане, у нас только настоящее просвещение, а там – мрак и гнилость, а сильны мы так, что шапки нам всех забросаем...” (http://www.k-istine.ru/library/nikolay_yaponskiy-01.htm).

демократические институты важны, намного превышает численность тех, для кого они не важны, а наименьшей популярностью и там, и там почему-то пользуется “сильная оппозиция”.

Таблица 3

Значимость институтов политической демократии
(в % к числу опрошенных)

В какой мере перечисленное ниже важно для вашей страны?	Россия (N=1399)	США (N=382)
Суд, защищающий права граждан от посягательств со стороны государства		
Очень важно + Скорее важно	89	97
Совсем не важно + Скорее не важно	3	1
Свободные и справедливые выборы		
Очень важно + Скорее важно	86	98
Совсем не важно + Скорее не важно	7	1
Независимые СМИ		
Очень важно + Скорее важно	82	96
Совсем не важно + Скорее не важно	8	1
Сильная политическая оппозиция		
Очень важно + Скорее важно	59	74
Совсем не важно + Скорее не важно	18	7
В среднем по четырем позициям		
<i>Либеральные взгляды</i> (Очень важно + Скорее важно)	79	91
<i>Авторитарные взгляды</i> (Совсем не важно + Скорее не важно)	9	4

Между тем впечатление о близости российских и американских позиций в данном вопросе обманчиво, поскольку основано на сопоставлении мнений на уровне общих формулировок, не привязанных к представлениям опрошенных о приоритетах страны и об эффективности работы демократических институтов. При уточнении этих аспектов картина резко меняется.

Таблица 4

Иерархия общественных приоритетов (в % к числу опрошенных)

Что из перечисленного вы считаете самым важным для страны?	Россия (N=1399)	США (N=382)
Материальное благополучие		
Экономический рост	25	1
Отсутствие коррупции	25	11
Стабильность	16	14
Политические условия личной самореализации		
Равенство возможностей	17	37
Свобода	13	34

Судя по таблице 4, общественные приоритеты российских и американских студентов выстроены противоположным образом: у россиян лидируют экономический рост и отсутствие коррупции, то есть задачи, ассоциируемые прежде всего с материальным благополучием и *напрямую* с базовыми либеральными ценностями не связанные. Между тем приоритеты американских студентов – именно либеральные ценности.

В таблице 5 представлены студенческие оценки возможностей реализации этих приоритетов в условиях демократической и авторитарной политических систем. Легко видеть, что среди россиян популярность авторитарного режима значительно выше, чем среди американцев.

Таблица 5

Сравнительная эффективность демократического и авторитарного режимов
(в % к числу опрошенных)

Что из перечисленного может быть скорее обеспечено при демократическом правлении, а что – при авторитарном правлении?	Россия (N=1399)		США (N=382)	
Материальное благополучие				
Экономический рост				
Демократическое правление	39	58		
Авторитарное правление	32	10		
Отсутствие коррупции				
Демократическое правление	31	68		
Авторитарное правление	42	4		
Стабильность				
Демократическое правление	18	36		
Авторитарное правление	64	34		
Политические условия личной самореализации				
Равенство возможностей				
Демократическое правление	70	78		
Авторитарное правление	14	3		
Свобода				
Демократическое правление	88	96		
Авторитарное правление	2	0		
В среднем по пяти позициям				
Сторонники демократического правления	49	67		
Сторонники авторитарного правления	31	10		

Иначе говоря, у российских студентов по сравнению с американскими либеральная демократия пользуется меньшей популярностью и в ценностном аспекте (общественные приоритеты), и по прагматическим соображениям (возможности реализации приоритетов).

Разница в отношении наших респондентов к институтам политической демократии примерно соответствует различиям в оценках важности демократии, фиксируемым в общенациональных социологических опросах (см. табл. 6).

Таблица 6

Отношение к демократии в России и США (в % к числу опрошенных)

Страны	World Values Survey (WVS)*		НИУ ВШЭ/Принстон
	Общенациональные выборки		Студенты
	2006	2011	2014
Россия	N=2033	N=2500	N=1399
	62	63	49
США	N=1249	N=2232	N=382
	79	79	67
Россия/США	62/79 = 0,8	63/79 = 0,8	49/66 = 0,7**

Источник: World Values Survey (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>).

* WVS. *Вопрос*: Насколько важно для вас жить в стране с демократической властью? *Варианты ответов*: Отметьте свою позицию на 10-балльной шкале, где 1 означает “совершенно не важно”, а 10 – “абсолютно важно”. *Цифры, приведенные в таблице*: ответы “важно” (7–10) в % к числу участников опроса.

** *Цифры, приведенные в таблице*: “Сторонники демократического правления” по данным таблицы 5 (последняя строка).

Абсолютные значения включенных в эту таблицу данных WVS и нашего исследования несопоставимы: слишком велика разница методик их получения. Однако приведенные в нижней строке таблицы межстрановые соотношения представляются нам заслуживающими доверия, так как в этом случае речь идет о сравнении оценок, полученных с помощью одних и тех же вопросов.

Представления о справедливости. Прежде всего рассмотрим представления о *процедурной справедливости* (отношение к равенству перед законом, равноправию, дискриминации меньшинств). Ответы респондентов на вопросы о процедурной справедливости (см. табл. 7) по характеру напоминают ответы, касающиеся институтов политической демократии. Как и там, на уровне общих, внеконтекстных формулировок процедурная справедливость получила примерно одинаковую поддержку у российских и американских студентов.

Таблица 7

Отношение к некоторым аспектам процедурной справедливости
(в % к числу опрошенных)

	Россия (N=1399)	США (N=382)
В какой мере равенство всех граждан перед законом важно для страны?		
Очень важно + Скорее важно	92	97
Совсем не важно + Скорее не важно	3	2
Люди качественно отличаются друг от друга, поэтому у них не должно быть равных прав		
Не согласен + Скорее не согласен	75	95
Согласен + Скорее согласен	20	4
В какой мере гарантированность прав меньшинств важно для страны?		
Очень важно + Скорее важно	62	94
Совсем не важно + Скорее не важно	17	2
Национальные меньшинства имеют слишком много власти и влияния в нашей стране		
Не согласен + Скорее не согласен	59	92
Согласен + Скорее согласен	27	4
В среднем по четырем позициям		
Принятие процедурной справедливости	72	95
Отторжение процедурной справедливости	17	3
В среднем по трем позициям (без учета равенства граждан перед законом)		
Принятие процедурной справедливости	65	94
Отторжение процедурной справедливости	21	3

Однако в ответах на более конкретные вопросы популярность процедурной справедливости среди россиян заметно снижается, тогда как среди американцев устойчиво держится на высоком уровне. Иными словами, на декларативном уровне российские студенты поддерживают идеи политической демократии и процедурной справедливости примерно так же, как и американские. Однако конкретизация вопросов обнаруживает, что они в значительно большей мере, чем студенты американские, склонны ориентироваться на авторитарные ценности.

Дистрибутивная справедливость (отношение к проблеме ответственности человека за свое благосостояние, неравенству доходов). Как видно из таблицы 8, у российских и американских студентов популярность личной ответственности человека за свое материальное благополучие (ответы на два первых вопроса) сочетается с поддержкой идеи выравнивания доходов. Такое соотношение позиций показывает, что в сфере дистрибутивной справедливости обе группы тяготеют к идеологии социального либерализма, для

Отношение к некоторым аспектам дистрибутивной справедливости
(в % к числу опрошенных)

	Россия (N=1399)	США (N=382)
За благосостояние граждан основная ответственность лежит:		
на государстве (<i>коллективистская позиция</i>)	29	15
на самих гражданах (<i>индивидуалистическая позиция</i>)	52	53
В том, что в стране есть бедные люди:		
виновно несправедливое устройство общества (<i>коллективистская позиция</i>)	29	7
виновны сами бедные, их лень и безволие (<i>индивидуалистическая позиция</i>)	39	67
Необходимо большее равенство доходов (<i>коллективистская позиция</i>)	45	64
Необходимо усилить неравенство доходов – это стимулирует людей (<i>индивидуалистическая позиция</i>)	34	10
В среднем по трем позициям		
Коллективистская дистрибутивная справедливость	34	29
Индивидуалистическая дистрибутивная справедливость	42	43

которого недопущение *чрезмерного* неравенства доходов – одно из важнейших условий обеспечения баланса позитивных и негативных прав граждан²².

То обстоятельство, что у российских студентов популярность социального либерализма заметно ниже, чем у американских, не мешает обеим группам быть в рассматриваемой области значительно либеральнее общественного мнения своих стран. Однако характер расхождений между студентами и “гласом народа” в России и США по каждой из включенных в исследование позиций неодинаков.

В вопросе о том, *кто в большей мере несет ответственность за благосостояние граждан – государство или сами граждане*, преобладающая у российских студентов индивидуалистическая позиция выбивает их из общекультурного контекста страны, где большинство граждан склонно считать ответственным за их благосостояние государство. Это особенно бросается в глаза на фоне наблюдаемого с середины 1990-х гг. полевения российского общественного мнения (см. табл. 9).

У американских же студентов, которые также живут в условиях левеющего, но не столь социально ориентированного общества, ценностного конфликта с большинством населения страны в этом вопросе не наблюдается. Там просматривается лишь большая выраженность характерного для американцев принятия ответственности за свое благополучие на себя.

В оценках *причин бедности в стране* расхождения между взглядами студентов и позициями “среднестатистических” граждан в обеих странах сходны и по направленности, и по величине. Насколько позволяют судить грубые сопоставления, доля российских и американских студентов, считающих основной причиной бедности в стране лень и другие негативные личностные качества бедных, превышает удельный вес сторонников этой позиции в общенациональных выборках своих стран примерно в 2 раза²³.

Во взглядах на *распределение доходов* и российские, и американские студенты оказываются в ценностном конфликте с настроениями, преобладающими в их обществах. В отличие от студентов большинство граждан России и США усиление неравенства доходов предпочитают их выравниванию (см. табл. 10).

²² Более или менее подробно об отличиях социального либерализма от либертарианства и классического либерализма см. [Урнов 2013].

²³ Данные по России за 2013 г. см.: [Тихонова 2014]. Данные по США за 2015 г. см.: [CMSV 2016].

Кто несет основную ответственность за благосостояние граждан – сами граждане или государство (в % к числу опрошенных)

За благосостояние граждан основная ответственность лежит:	World Values Survey (WVS)			НИУ ВШЭ/ Принстон
	Общенациональные выборки			Студенты
	1995	2006	2011	2014
Россия на государстве	N=2040	N=2033	N=2500	N=1399
	57	65	70	29
на гражданах	16	16	12	52
США на государстве	N=1542	N=1249	N=2232	N=382
	17	27	27	15
на гражданах	64	43	47	53

Источник: WVS (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>). Номера вопросов: 1995 – V 127, 2006 – V 118, 2011 – V 98.

Примечание: *Вопрос WVS*: Отметьте свою позицию на 10-балльной шкале, где 1 означает полное согласие с утверждением “Основная ответственность за благосостояние граждан лежит на государстве”, а 10 – полное согласие с утверждением “Основная ответственность за благосостояние граждан лежит на самих гражданах”.

Группировка ответов WVS: на государстве – ответы 1–4; на гражданах – ответы 7–10.

Вопрос НИУ ВШЭ/Принстон: «Какое из мнений вам ближе: “За благосостояние граждан основная ответственность лежит на государстве” или “За благосостояние граждан основная ответственность лежит на самих гражданах”».

Таблица 10

Отношение к равенству/неравенству доходов (в % к числу опрошенных)

В отношении доходов необходимо большее:	World Values Survey (WVS)			НИУ ВШЭ/ Принстон
	Общенациональные выборки			Студенты
	1995	2006	2011	2014
Россия равенство	N=2040	N=2033	N=2500	N=1399
	22	30	64	45
неравенство	51	53	12	34
США равенство	N=1542	N=1249	N=2232	N=382
	33	18	30	64
неравенство	37	43	36	10

Источник: WVS (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>). Номера вопросов в анкетах: 1995 – V 125, 2006 – V 116, 2011 – V 96. Примечание: *Вопрос WVS*: Отметьте свою позицию на 10-балльной шкале, где 1 означает полное согласие с утверждением “Необходимо большее равенство доходов”, а 10 – полное согласие с утверждением “Необходимо усилить неравенство доходов – это стимулирует людей”.

Группировка ответов WVS: равенство – ответы 1–4; неравенство – ответы 7–10.

Вопрос НИУ ВШЭ/Принстон: «Какое из мнений вам ближе: “Необходимо большее равенство доходов” или “Необходимо большее неравенство доходов – это стимулирует людей”».

Вынуждены обратить внимание на то, что выводы об отношении российского общества к неравенству доходов мы строим на основе данных WVS 1995–2006 гг., поскольку доверять результатам более позднего исследования WVS (2011) в этой области вряд ли возможно. Дело в том, что во всех опросах WVS, предшествовавших 2011 г., россияне устойчиво демонстрировали верность принципу неравенства доходов. Кривая распределения их мнений

Некоторые аспекты карающей справедливости (в % к числу опрошенных)

Вопросы	Россия (N=1399)	США (N=382)	
Тюремное заключение без суда			
Держать человека в тюрьме без суда:			
– Допустимо, если человек опасен для общества	55	28	
– Недопустимо ни при каких обстоятельствах	37	46	
Суровость наказания как средство борьбы с преступностью			
– Если преступников наказывать более сурово, преступность снизится	54	10	
– Мы слишком сурово обходимся с преступниками, их нужно скорее лечить, чем наказывать	18	67	
Отношение к смертной казни			
Как вы относитесь к применению смертной казни к людям, совершившим следующие преступления?			
Терроризм	За Против	65 25	33 51
Изнасилование несовершеннолетней	За Против	50 34	21 60
Умышленное убийство	За Против	38 44	26 58
Торговля наркотиками	За Против	27 58	1 95
Коррупция	За Против	16 71	2 93
Государственная измена, шпионаж (в мирное время)	За Против	15 67	7 83
В среднем по шести позициям	За Против	35 50	15 73

здесь напоминала параболу (U) с выраженным смещением в пользу неравенства и находилась в “противофазе” кривой ответов на вопрос об ответственности за благосостояние граждан (вопросы 1995 – V 127, 2006 – V 118), где эта ответственность возлагалась по преимуществу на государство. Однако в опросе 2011 г. картина внезапно качественно изменилась. Кривая распределения ответов о неравенстве стала походить на гиперболу, демонстрирующую преобладание уравнивательных взглядов. В результате популярность государственной заботы о гражданах и популярность выравнивания доходов сошлись (коэффициент корреляции между этими показателями стал равен 0,99, тогда как в 1995 и 2006 гг. составлял, соответственно, $-0,07$ и $0,23$).

Поверить в подобную революцию ценностей трудно. Взгляды на неравенство доходов относятся к базовым характеристикам культуры общества, для качественного изменения которых в масштабах страны за сравнительно короткий (пятилетний) срок нужны мощные социальные потрясения или интенсивное массовое промывание мозгов. Но ничего подобного в России во второй половине 2000-х гг. не происходило. Экономический кризис 2008–2009 гг. и военный конфликт в Грузии не могут претендовать на роль факторов, способных обеспечить глубокие и быстрые изменения ценностных ориентаций большинства населения. Государственная пропаганда в эти годы также менее всего была озабочена распространением левоавторитарных (коммунистических) идей. О том, что в России в 2006–2012 гг. никаких перемен во взглядах на неравенство не происходило, свидетельствуют и данные European Social Survey (<http://www.europeansocialsurvey.org/data/>). Иными

словами, в опросе WVS 2011 г. мы, скорее всего, сталкиваемся либо с дефектом выборки, либо с некачественным заполнением анкет, либо с техническими ошибками при формировании базы данных, либо с каким-то сочетанием этих трех обстоятельств.

Карающая справедливость (отношение к суровости наказаний за преступления). В отношении наказания преступников российские студенты были настроены значительно более репрессивно, чем американские (см. табл. 11).

Напрямую сравнить позиции студентов с общественным мнением их стран нам удалось только в отношении применения смертной казни за убийство (данных общенациональных опросов России и США по остальным включенным в исследование аспектам карающей справедливости найти не удалось). Во взглядах на смертную казнь за убийство, так же как в области дистрибутивной справедливости, наблюдалось смещение обеих групп “в одну и ту же сторону”: и российские, и американские студенты были настроены гуманнее “среднестатистических” граждан своих стран. При этом отклонение позиций наших респондентов от общенациональной выборки в России было несколько меньшим, чем в США: уровень поддержки смертной казни за убийство среди российских студентов был ниже среднего по стране примерно в 1,5–1,7 раза (38 против 63% в 2014 г. и 57% в 2015-м), а среди американских студентов – в 2,1 раза (26 против 55% в 2013 г. и 56% в 2015 г.; для России см. опросы ФОМ (<http://fom.ru/TSennosti/11722>; <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12128>), данные по США см. [PRC 2014⁴, p. 1; PRC 2015, p. 1]). Утверждать на основании этих данных, что студенты и во всех остальных областях карающей справедливости более склонны к гуманности, чем граждане их стран в целом, нельзя. Судя по России, это неверно даже в отношении применения смертной казни за преступления, отличные от убийства.

Как видно из таблицы 12, взгляды российских участников исследования на смертную казнь за терроризм и коррупцию значительно жестче общероссийских, за изнасилование несовершеннолетней и торговлю наркотиками – мягче, в отношении кары за

Таблица 12

Отношение к смертной казни в России
(высказавшиеся за применение смертной казни 6% к числу опрошенных)

Преступления	Фонд “Общественное мнение” (ФОМ)			НИУ ВШЭ/ Принстон
	Россия в целом			Российские студенты
	2012	2014	2015	2014
	N=1500	N=1500	N=1500	N=1399
Терроризм	54	53	55	65
Изнасилование несовершеннолетней*	72	73	71	50
Умышленное убийство**	64	63	57	38
Торговля наркотиками***	28	28	34	27
Коррупция****	5	6	8	16
Госизмена, шпионаж (в мирное время)*****	12	13	15	15
В среднем по шести позициям	39	39	40	35

Данные ФОМ: 2012 – <http://fom.ru/obshchestvo/10378>; 2014 – <http://fom.ru/TSennosti/11722>; 2015 – <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12128>.

Формулировки ФОМ: * Сексуальное преступление против несовершеннолетних; ** Убийство; *** Распространение наркотиков; **** Взятничество; ***** Государственная измена, раскрытие государственной тайны.

Примечание: В опросе ФОМ шпионаж фигурировал в качестве отдельной позиции. За применение смертной казни по этой позиции высказались заметно меньше респондентов, чем за государственную измену (2012 – 6%; 2014 – 4%; 2015 – 9%).

государственную измену совпадают с общественным мнением страны, а в среднем по всем шести включенным в исследование преступлениям мало чем от него отличаются.

* * *

Мы рассмотрели нормативные представления российских и американских студентов о своей стране, выявили, насколько эти представления схожи или отличаются друг от друга и от воззрений, фиксируемых общенациональными опросами населения. Следующий шаг: анализ компонентов отношения к стране, делающих ее объектом национальной идентичности. Из множества таких компонентов мы сосредоточили внимание на особенностях странового фаворитизма, уровне критического отношения к своей стране и специфике проявления чувства долга перед ней. Результаты проведенного анализа будут изложены во второй статье цикла. Там же будут подведены общие итоги исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э. (1995) Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс.
- Борусяк Л., Левинсон А. (2016) Величие вместо демократии: как Россия догнала США в умах своих жителей // РБК daily (<http://www.rbc.ru/opinions/society/04/02/2016/56b309649a7947a4000e7af0>).
- Вайнек Э. (2006) Внутренне- и внешненаправляемое поведение (inner/outer-directed behavior) // Р. Корсини, А. Ауэрбах. Психологическая энциклопедия. СПб.: Питер. С. 82–84.
- Вдовин А. И. (2007) “Русский вопрос” и “российская нация” на современном этапе // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт. С. 140–152.
- Гаджиев К. С. (2011) Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
- Гулевич О. А. (2011) Социальная психология справедливости. М.: Ин-т психологии РАН.
- ДРИ (2014) Декларация русской идентичности // Патриархия.ru (<http://www.patriarchia.ru/db/print/508347.html>).
- Дробужева Л. М. (2007) Интеграционные процессы в полиэтничном российском обществе (http://www.isras.ru/index.php?page_id=882&printmode).
- Дугин А. Г. (2014) Война континентов. М.: Академический проект.
- Иванова Н. Л., Мазилова Г. Б. (2009) Гражданская идентичность в различных социально-экономических условиях // Идентичность и организация в меняющемся мире. М.: ГУ ВШЭ. С. 41–56.
- Иванова С. В. (2010) Национальная идентичность как фактор безопасности государства // Сборник докладов и тезисов V Межведомственного семинара (конференции) “Пограничная безопасность в условиях информационной войны”. М.: Пограничная академия ФСБ (<http://www.pan-i.ru/nauchnie-stati/natsionalnaya-identichnost-kak-faktor-bezopasnosti-gosudarstva.html>).
- Иванова С. Ю. (2007) Национальная идея в культуре современной России // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт. С. 626–636.
- Калхун К. (2006) Национализм. М.: Территория будущего.
- Кирхнер Ф. (1895) История философии с древнейшего до настоящего времени. СПб.: Издательство книгопродавца В. И. Губинского.
- Кортунов С. В. (2009) Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект пресс.
- Кучуков М. М. (2007) Российская идентичность: состояние и перспективы // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт. С. 602–607.
- Лебедев С. В. (2007) Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб.: Алетейя.
- Левин К. (2000) Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь.
- Монтескье Ш. Л. (1999) О духе законов. М.: Мысль.
- Немыченков В. И. (2014) Россия, XXI век: выбор судьбы // Русская народная линия. Декабрь 2014 (http://ruskline.ru/analitika/2014/12/15/rossiya_xxi_vek_yubor_sudby/).
- ОМ 2015 – Общественное мнение – 2014. М.: Левада-Центр.

Оруэлл Дж. (1992) Заметки о национализме // Оруэлл Дж. Эссе. Статьи. Рецензии. Пермь: КАПИК. С. 236–256.

Панарин А. С. (1995) Россия в Евразии: Геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Социальная философия и философская антропология: труды и исследования. М.: Ин-т философии РАН. С. 10–43.

Пинто Д. (1996) Меж двух миров. Европейская культура и американская демократия. М.: Ad Marginem.

Преображенский А. (1910–1914) Этимологический словарь русского языка. В 2 т. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко.

Ролз Дж. (2010) Теория справедливости. М.: ЛКИ.

Салтыков-Щедрин М.Е. (1988) За рубежом // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М.: “Правда”. С. 5–270.

Татарский К. А. (2007) Наследие К. Н. Леонтьева и русская идея // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт. С. 756–759.

Тихонова Н. Е. (2014) Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. № 1. С. 7–19.

Тишков В. А. (2013) Российский народ: история и смысл национального самосознания. СПб.: Наука.

Тренин Д. (2006) Интеграция и идентичность: Россия как “новый Запад”. М.: Европа.

Триандис Г. (2007) Культура и социальное поведение: учебное пособие. М.: ФОРУМ.

Урнов М. Ю. (2013) Социальный либерализм в России (взгляд политолога) // Общественные науки и современность. № 3. С. 30–43.

Феоктистов И. (2004) От редакции. На переломе, в поисках себя // Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ–Транзиткнига. С. 5–8.

Фрейд З. (2014) Психология масс и анализ человеческого “Я”. М.: Академический проект.

Фромм Э. (2006) Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ.

Хабермас Ю. (2008) Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука.

Хабермас Ю. (2005) Политические работы. М.: Практис.

Хантингтон С. (2004) Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ–Транзиткнига.

Чубайс И. Б. (2014) Как нам понимать свою страну. Русская идея и российская идентичность. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Arsisbooks.

Шапиро И. (2011) Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: ГУ ВШЭ.

Шпенглер О. (2009) Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Академический проект. С. 145–242.

Эрикссон Э. (1996) Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс.

Ярская-Смирнова В. Н. (2007) Национальная идентичность: формула гражданской нации // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт. С. 617–625.

Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. in collaboration with B. Aron, M.H. Levinson and W. Morrow (1982) The Authoritarian Personality. New York–London: W.W. Norton and Co.

Allport G.W. (1954) The Nature of Prejudice. Cambridge (Mass.): Addison-Wesley Pub. Co.

Anderson B. (2006) Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London–New York: Verso.

Barker E.N. (1963) Authoritarianism of the political right, center, and left // Journal of Social Issues. Vol. 19. Iss. 2. Pp. 63–74.

Berns W. (2008) Patriotism // International Encyclopedia of the Social Sciences. W.A. Darity, Jr. (ed. in chief). – Detroit (Mich.): Macmillan Reference USA (<http://www.encyclopedia.com/topic/Patriotism.aspx#2>).

Boulding K.E. (1959) National Images and International Systems // Conflict Resolution. Vol. 3. No. 2. Pp. 120–131.

Breuilly J. (1994) Nationalism and the State. Chicago: Univ. of Chicago Press.

Brewer M.B. (1979) In-group Bias in the Minimal Intergroup Situation: a Cognitive-motivational Analysis // Psychological Bulletin. Vol. 86. No. 2. Pp. 307–324.

Brewer M.B. (2001) The Many Faces of Social Identity: Implications for Political Psychology // Political Psychology. Vol. 22. No. 1. Pp. 115–125.

Bronfenbrenner U. (1961) The Mirror Image in Soviet-American Relations: a Social Psychologist’s Report // Journal of Social Issues. Vol. 17. No. 1. Pp. 45–56.

- Brubaker R. (1992) *Citizenship and Nationalism in France and Germany*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Brubaker R., Cooper F. (2000) Beyond 'identity' // *Theory and Society*. Vol. 29. Iss. 1. Pp. 1–47.
- Burke P.J., Stets J.E. (2009) *Identity theory*. New York: Oxford Univ. Press.
- Citrin J., Reingold B., Green D.P. (1990) American Identity and the Politics of Ethnic Change // *The Journal of Politics*. Vol. 52. No. 4. Pp. 1124–1154.
- Clayton S., Opatow S. (2003) Justice and Identity: Changing Perspectives on What Is Fair // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 7. No. 4. Pp. 298–310.
- CMSV 2016 – College of Mount Saint Vincent. Fishlinger Center for Public Policy Research. *Society or the Individual: Root Causes of Poverty in America* (<https://www.mountsaintvincent.edu/society-or-the-individual-root-causes-of-poverty-in-america/>).
- Converse P.E. (1964) The Nature of Belief Systems in Mass Publics // D.E. Apter (ed.). *Ideology and Discontent*. New York: Free Press.
- Deaux K. (1993) Reconstructing Social Identity // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 19. No. 1. Pp. 4–19.
- Delameter J., Katz D., Kelman H.C. (1969) On the Nature of National Involvement: A Preliminary Study // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 13. No. 3. Pp. 320–357.
- Delgado R.R. (1957) a Possible Model for Ideas // *Philosophy of Science*. Vol. 24. No. 3. Pp. 253–269.
- Deutsch K., Merritt R. (1965) Effects of events on national and international images // Kelman H. (ed.). *International Behavior: a Social-psychological Analysis*. New York: Holt, Rinehart and Winston. Pp. 130–187.
- Deutsch M. (2011) Justice and Conflict // M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus (eds). *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. San Francisco (Cal): Jossey-Bass.
- Dietz M.G. (1989) Patriotism // T. Ball, J. Farr, R.L. Hansen (eds). *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge: CUP. Pp. 177–193.
- DWH (2006) – *A Dictionary of World History*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. Current Online Version: 2012 (<http://82.179.249.32:2394/view/10.1093/acref/9780192807007.001.0001/acref-9780192807007-e-1531>).
- Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J.W. (1999) Self-categorization, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 29. Iss. 2–3. Pp. 371–389.
- Eysenck H. (1954) *The Psychology of Politics*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Feldman S. (1988) Structure and Consistency in Public Opinion: the Role of Core Beliefs and Values // *American Journal of Political Science*. Vol. 32. No. 2. Pp. 416–440.
- Festinger L. (1954) A Theory of Social Comparison Processes // *Human Relations*. Vol. 7. No. 2. Pp. 117–140.
- Gaus G., Courtland S.D., Schmidtz D. (2015) Liberalism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. E.N. Zalta (ed.) (<http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/liberalism/>).
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell Univ. Press.
- Gleason Ph. (1980) American Identity and Americanization // *The Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*. S. Thernstrom (Ed.). Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Greenfeld L. (1992) *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Greenfeld L. (2001) Etymology, definitions, types // *Encyclopedia of Nationalism*. Vol. I.A. Motyl (ed.). New York: Academic Press. Pp. 251–265.
- Greenfeld L., Eastwood J. (2009) National Identity // *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Carles Boix and Susan C. Stokes (eds). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Hayek F. von (1944) *The Road to Serfdom*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Helson H. (1964) Current trends and issues in adaptation-level theory // *American Psychologist*. Vol. 19. Iss. 1. P. 26–38.
- Herrmann R.K. (2003) Image theory and strategic interaction in international relations // Sears D.O., Huddy L., Jervis R. (eds). *Oxford Handbook of Political Psychology*. New York: Oxford University Press. Pp. 285–314.
- Hobsbawm E.J. (1992) *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hofstede G., McCrae R.R. (2004) Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture // *Cross-Cultural Research*. 2004. Vol. 38. No. 1. Pp. 52–88.

- Hui C.H. (1988) Measurement of individualism – collectivism // *Journal of Research in Personality*. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 17–36.
- Huntington S. (1981) *American Politics: the Promise of Disharmony*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Iyengar S. S., DeVoe S. E. (2003) Rethinking the value of choice: Considering cultural mediators of intrinsic motivation // V. Murphy-Berman, J.J. Berman (Ed.). *Cross-cultural differences in perspectives on the self*. Vol. 49 of the Nebraska symposium on motivation. Lincoln (Neb.): Univ. of Nebraska Press. P. 146–191
- Inglehart R., Baker W.E. (2000) Modernization, Cultural Change, and Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. Pp. 19–51.
- Inoguchi T. (2009) Clash of Values across Civilizations // R. J. Dalton, H. – D. Klingemann (eds). *The Oxford Handbook of Political Behavior*. New York: Oxford Univ. Press. Pp. 240–258.
- Johnston D.C. (2007) Liberalism // *Encyclopedia of Governance* (<http://sk.sagepub.com/reference/governance/n300.xml?PageNum=527>).
- Jones O. (2007) Authoritarianism // *International Encyclopedia of Organization Studies* (http://sage-reference.com/organization/Article_n31.html).
- Kahneman D., Miller D. T. (1986) Norm theory: Comparing reality to its alternatives // *Psychological Review*. Vol. 9. No. 2. Pp. 136–153.
- Kemmelmeier M., Burnstein B., Krumov K., Genkova P. Kanagawa C., Hirshberg M. S., Erb H.-P., Wiczorkowska G., Noels K. A. (2003) Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies // *Journal of Cross-cultural Psychology*. Vol. 34. No. 3. Pp. 304–322.
- Kinket B., Verkuyten M. (1999) Intergroup evaluations and social context: a multilevel approach // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 29. Iss. 2/3. Pp. 219–237.
- Kohn H. (1957) *American Nationalism: an Interpretive Essay*. New York: Macmillan.
- Lamont J., Favor C. (2014) Distributive Justice // E. N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/justice-distributive/>).
- Lim J. S. (2007) Authoritarianism // *Encyclopedia of Political Communication* (http://sage-reference.com/politicalcommunication/Article_n36.html).
- Lipset S. M. (1963) *The First New Nation*. New York: Basic Books.
- Markus H. (1977) Self-schemata and processing information about the self // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 35. No. 2. Pp. 63–78.
- Martin J.L. (2001) “The Authoritarian Personality,” 50 Years Later: What Lessons Are There for Political Psychology? // *Political Psychology*. Vol. 22. No. 1. Pp. 1–26.
- McCall J., Simmons J.L. (1978). *Identities and interactions: An examination of human associations in everyday life*. New York: Macmillan.
- McClosky H., Zaller J. (1984) *The American Ethos: Public Attitudes toward Capitalism and Democracy*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Nye J.S. (2008) *Power to Lead: Soft, Hard, and Smart*. Cary (N.C., USA): Oxford Univ. Press.
- OEMW (2008) – *Oxford Encyclopedia of the Modern World*. Peter N. Stearns (ed.) (<http://82.179.249.32:2394/view/10.1093/acref/9780195176322.001.0001/acref-9780195176322-e-653>).
- O’Neill M. (2008) Authoritarian personality // *Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Society* (http://sage-ereference.com/ethnicity/Article_n47.html).
- Oyserman D., Coon H.M., Kemmelmeier M. (2002) Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses // *Psychological Bulletin*. Vol. 128. No. 1. Pp. 3–72.
- Phelps E. S. (1987) Distributive justice // J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds). *The New Palgrave Dictionary of Economics Online*. Palgrave Macmillan (http://proxylibrary.hse.ru:3951/article?id=pde1987_X000607).
- PRC (2013) – Pew Research Center, December 2013, “America’s Place in the World 2013” (<http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/12-3-2013%20APW%20VI.pdf>).
- PRC (2014^a) – Pew Research Center, March 28, 2014, “Shrinking Majority of Americans Support Death Penalty” (<http://www.pewforum.org/2014/03/28/shrinking-majority-of-americans-support-death-penalty/>).
- PRC (2014^b) – Pew Research Center, June 2014, “Beyond Red vs Blue: the Political Typology” (<http://www.people-press.org/files/2014/06/6-26-14-Political-Typology-release1.pdf>).
- PRC (2015) – Pew Research Center, April 2015, “Less Support for Death Penalty, Especially Among Democrats” (<http://www.people-press.org/files/2015/04/04-16-15-Death-penalty-release.pdf>).
- Primoratz I. (2015) Patriotism // E. N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>).

- Reynolds K. J., Turner J. C., Branscombe N. R., Mavor K. I., Bizumic B., Subasic E. (2010) Interactionism in Personality and Social Psychology: an Integrated Approach to Understanding the Mind and Behaviour // *European Journal of Personality*. Vol. 24. Iss. 5. Pp. 458–482.
- Samelson F. (1986) Authoritarianism from Berlin to Berkeley: on social psychology and history // *Journal of Social Issues*. Vol. 42. Iss. 1. Pp. 191–208.
- Schatz R. T., Staub E., Lavine H. (1999) On the Varieties of National Attachment: Blind vs Constructive Patriotism // *Political Psychology*. Vol. 20. No. 1. Pp. 151–174.
- Schwartz B., Kim M. (2002) Honor, Dignity, and Collective Memory // K. A. Cerulo (Ed.). *Culture in Mind: toward a Sociology of Culture and Cognition*. New York: Routledge. Pp. 209–226.
- SGI (2015) – Stratfor Global Intelligence “Decade Forecast: 2015–2025”, February 23, 2015 (<https://www.stratfor.com/sample/forecast/decade-forecast-2015-2025>).
- Shurluf B., Hattie J., Dixon R. (2007) Development of a New Measurement Tool for Individualism and Collectivism // *Journal of Psychoeducational Assessment*. Vol. 25. No. 4. Pp. 385–401.
- Smith R. M. (1988) The ‘American Creed’ and American Identity: the Limits of Liberal Citizenship in the United States // *Western Political Quarterly*. Vol. 41. No. 2. Pp. 225–251.
- Sorokin P. A. (1967) The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 370. National Character in the Perspective of the Social Sciences (March, 1967). Pp. 99–115.
- Spector R. A. (2006) Authoritarianism // *Encyclopedia of Governance* (http://sage-reference.com/governance/Article_n23.html).
- Sternberger B. (1990) *Verfassungspatriotismus* (Schriften, vol. 10). Frankfurt a. M.: Insel Verlag. S. 11–31.
- Stryker S. (2002) Symbolic interactionism: a social structural version. Caldwell: Blackburn.
- Stryker S., Burke P. J. (2000) The Past, Present, and Future of an Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*. 2000. Vol. 63. No. 4. Special Millennium Issue on the State of Sociological Social Psychology. Pp. 284–297.
- Tajfel H. (1981) *Human groups and social categories*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Tajfel H., Turner J. C. (1979) An integrative theory of intergroup conflict // G. Austin, S. Worchel, (eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey (Cal): Brooks/Cole. Pp. 33–47.
- Turner J. C. (1975) Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behavior // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 5–34.
- Turner J. C., Hogg M. A., Oakes P. J., Reicher S. D., Werhrell M. S. (1987) *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford: Blackwell.
- Turner J. C., Oakes P. J. (1986) The significance of the social identity concept for social psychology with reference to individualism, interactionism and social influence // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 25. Iss. 3. Pp. 231–252.
- Turner J. C., Oakes P. J., Haslam S. A., McGarty C. (1994) Self and Collective: Cognition and Social Context // *Personality and Psychology Bulletin*. Vol. 20. Iss. 5. Pp. 454–463.
- Tversky A. (1977) Features of similarity // *Psychological Review*. Vol. 84. No. 4. Pp. 327–352.
- Tyler T. R., Blader S. L. (2003) The Group Engagement Model: Procedural Justice, Social Identity, and Cooperative Behavior // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 7. No. 4. Pp. 349–361.
- Walen A. (2015) Retributive Justice // E. N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/archives/sum2015/entries/justice-retributive/>).
- Weber M. (1978) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. G. Roth and C. Wittich (eds). Vol. 1, 2. Berkeley–Los–Angeles–London: Univ. of California Press.
- Weber M. (1946) *Essays in Sociology*. Translated, edited, and with an introduction by H. H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford Univ. Press.
- Weiss H. (2003) A Cross-national Comparison of Nationalism in Austria, The Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland // *Political Psychology*. Vol. 24. No. 2. Pp. 377–401.
- Welzel C., Inglehart R. (2008) The Role of Ordinary People in Democratization // *Journal of Democracy*. Vol. 19. No. 1. Pp. 126–140.
- Westle B. (2011) Identity, Social and Political // B. Badie (ed.) *International Encyclopedia of Political Science*. Thousand Oaks (CA): Sage Publications. Pp. 1131–1142 (<http://site.ebrary.com/id/10582147?ppg=1656>).
- Wildavsky A. (1982) The Three Cultures: Explaining Anomalies in the American Welfare State // *Public Interest*. No. 69. Pp. 45–58.
- Williams R. M. (1960) *American Society: a Sociological Interpretation*. New York: Knopf.
- Wirth L. (1936) Types of Nationalism // *American Journal of Sociology*. Vol. 41. No. 6. Pp. 723–737.

The National Identity of Russian and American Students

Article 1. Students' Normative Perceptions of Their Country

URNOV M.*;
KASAMARA V.**

* **Urnov Mark** – professor, academic supervisor of the Political Science Department, Faculty of Social Sciences, The National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitkaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: murnov@hse.ru.

** **Kasamara Valeria** – candidate of sciences (Politicalology), associate professor, head of the Laboratory for Political Studies, Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitkaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: vkasamara@hse.ru.

Abstract

The paper compares some basic aspects of the national identity of Russian and American students. We have analyzed the views of the students at three leading Russian universities (MSU, MGIMO and NRU HSE) and at Princeton University (USA). The study is based on comparing of Russian students' positions with those of the Princeton University's students (USA).

The paper consists of two articles. The first article published below includes the analysis of the students' normative perceptions of their countries. The second one is devoted to the aspects of attitudes towards the country that render it an object of national identity (country favoritism, a level of criticism towards the country and a specificity of duty to the country fulfillment).

Keywords: national identity, political preferences, students, potential elites, Russia, USA

REFERENCES

Adorno T. W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D. J., Sanford R. N. In collaboration with B. Aron, M. H. Levinson and W. Morrow (1982) *The Authoritarian Personality*. Abridged Edition. New York–London: W. W. Norton and Co.

Allport G. W. (1954) *The Nature of Prejudice*, Cambridge (Mass.): Addison-Wesley Pub. Co.

Anderson B. (2006) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised Edition. London–New York: Verso.

Barker E. N. (1963) Authoritarianism of the political right, center, and left. *Journal of Social Issues*, Vol. 19, no. 2, pp. 63–74.

Benvenist Eh. *Slovar' indoevropejskih social'nyh terminov* [Dictionary of Indo-European social terms]. Moscow: Progress-Univers, 1995.

Berns W. (2008) Patriotism. *International Encyclopedia of the Social Sciences*. W. A. Darity, Jr. (ed. in chief). Detroit (Mich.): Macmillan Reference USA (<http://www.encyclopedia.com/topic/Patriotism.aspx#2>).

Borusyak L., Levinson A. (2016) Velichie vmesto demokratii: kak Rossiya dognala SSHA v umah svoih zhitelej [The greatness instead of democracy: how Russia overtook the United States in the minds of its people]. *RBK daily*, 04.02.2016 (<http://www.rbc.ru/opinions/society/04/02/2016/56b309649a7947a4000e7af0>).

Boulding K. E. (1959) National Images and International Systems. *Conflict Resolution*, Vol. 3, no. 2, pp. 120–131.

Breuilly J. (1994) *Nationalism and the State*. 2^d ed., Chicago: The Univ. of Chicago Press (1st ed.– 1982, Manchester Univ. Press).

Breuer M. B. (1979) In-group Bias in the Minimal Intergroup Situation: a Cognitive-motivational Analysis. *Psychological Ps Bulletin*, vol. 86, no. 2, pp. 307–324.

Brewer M. B. (2001) The Many Faces of Social Identity: Implications for Political Psychology. *Political Psychology*, Vol. 22, no. 1, pp. 115–125.

Bronfenbrenner U. (1961) The Mirror Image in Soviet-American Relations: a Social Psychologist's Report. *Journal of Social Issues*, vol. 17, no. 1, pp. 45–56.

- Brubaker R. (1992) *Citizenship and Nationalism in France and Germany*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Brubaker R., Cooper F. (2000) Beyond “identity”. *Theory and Society*, vol. 29, no. 1, pp. 1–47.
- Burke P.J. (1991). Identity processes and social stress. *American Sociological Review*, vol. 56, no. 6, pp. 836–849.
- Burke P.J., Stets J.E. (2009) *Identity theory*. New York: Oxford Univ. Press.
- Chubais I. B. (2014) *Kak nam ponimat’ svoyu stranu. Russkaya ideya i Rossijskaya identichnost’*. *Proshloe, nastoyashchee, budushchee* [How are we to understand our country: Russian idea and Russian identity: past, present and future]. Moscow: Arsisbooks.
- Citrin J., Reingold B., Green D.P. (1990) American Identity and the Politics of Ethnic Change, *The Journal of Politics*, vol. 52, no. 4, pp. 1124–1154.
- Clayton S., Opatow S. (2003) Justice and Identity: Changing Perspectives on What Is Fair, *Personality and Social Psychology Review*, vol. 7, no. 4, pp. 298–310.
- CMSV (2016) – College of Mount Saint Vincent. Fishlinger Center for Public Policy Research. *Society or the Individual: Root Causes of Poverty in America* (<https://www.mountsaintvincent.edu/society-or-the-individual-root-causes-of-poverty-in-america/>).
- Converse P.E. (1964) The Nature of Belief Systems in Mass Publics. D.E. Apter (ed.). *Ideology and Discontent*. New York: Free Press.
- Deaux K. (1993) Reconstructing Social Identity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 4–19.
- Delameter J., Katz D., Kelman H.C. (1969) On the Nature of National Involvement: a Preliminary Study. *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 13, no. 3, pp. 320–357.
- Delgado R.R. (1957) A Possible Model for Ideas. *Philosophy of Science*, vol. 24, no. 3, pp. 253–269.
- Deutsch K., Merritt R. (1965) Effects of events on national and international images // H. Kelman, (ed.). *International Behavior: a Social-psychological Analysis*. New York: Holt, Rinehart and Winston, pp. 130–187.
- Deutsch M. (2011) Justice and Conflict. M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus (eds). *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* (second edition). San Francisco (Cal): Jossey-Bass.
- Dietz M.G. (1989) Patriotism. T. Ball, J. Farr, R.L. Hansen (eds). *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge (U.K.): CUP, pp. 177–193.
- DRI (2014) *Deklaraciya russkoj identichnosti* [Declaration of Russian identity] (<http://www.patriarchia.ru/db/print/508347.html>).
- Drobizheva L.M. (2007) *Integracionnye processy v poliehtnicheskom rossijskom obshchestve* [Integration processes in the multi-ethnic Russian society] (http://www.isras.ru/index.php?page_id=882&printmode).
- Dugin A.G. (2014) *Vojna kontinentov* [The Great War of Continents]. Moscow: Akademicheskij Proekt.
- DWH (2006) *A Dictionary of World History* (2 ed.) E. Wright (ed.), Oxford Univ. Press. Current Online Version: 2012 (<http://82.179.249.32:2394/view/10.1093/acref/9780192807007.001.0001/acref-9780192807007-e-1531>).
- Erikson E. (1996) *Identichnost’: yunost’ i krizis* [Identity: Youth and Crisis], Moscow: Progress.
- Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J.W. (1999) Self-categorisation, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity. *European Journal of Social Psychology*, vol. 29, no. 2–3, pp. 371–389.
- Eysenck H. (1954) *The Psychology of Politics*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Feldman S. (1988) Structure and Consistency in Public Opinion: the Role of Core Beliefs and Values. *American Journal of Political Science*, vol. 32, no. 2, pp. 416–440.
- Feoktistov I. (2004) Ot redakcii. Na perelome, v poiskah sebya [Editorial. in turn, in search of himself]. C. Hantington. Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional’noj identichnosti, Moscow: OOO “Izd-vo AST”–OOO “Tranzitkniga”, pp. 5–8.
- Festinger L. (1954) A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*, vol. 7, no. 2, pp. 117–140.
- Festinger L., Torrey J., Willerman B. (1954) Self-evaluation as a Function of Attraction to the Group. *Human Relations May*, vol. 7, no. 2, pp. 161–174.
- Festinger L. (1999) *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [The theory of cognitive dissonance]. St. Petersburg: YUventa.
- Freud Z. (2014) *Psihologiya mass i analiz chelovecheskogo “YA”* [Psychology of the masses and analysis of the human “I”]. Moscow: Akademicheskij proekt.

- Fromm E. (2006) *Begstvo ot svobody. CHelovek dlya sebya* [Escape from Freedom. Man for himself]. Moscow: AST.
- Gadzhiev K. S. (2011) Nacional'naya identichnost': konceptual'nyj aspekt [National identity: conceptual aspect]. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 3–16.
- Gaus G., Courtland S. D., Schmidt D. (2015) Liberalism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. E. N. Zalta (ed.) (<http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/liberalism/>).
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell Univ. Press.
- Gleason Ph. (1980) American Identity and Americanization. *The Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*. S. Thernstrom (ed.). Cambridge: Harvard Univ. Press.
- Greenfeld L. (2001) Etymology, definitions, types. *Encyclopedia of Nationalism*, vol. 1. A. Motyl (ed.). New York: Academic Press, pp. 251–265.
- Greenfeld L. (1992) *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Greenfeld L., Eastwood J. (2009) National Identity. *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Carles Boix and Susan C. Stokes (eds). Oxford: OUP (www.oxfordhandbooks.com).
- Greenfeld L. (2012) *Nacionalizm. Pyat' putej k sovremennosti* [Nationalism. Five roads to modernity]. Moscow: PER SHE.
- Gulevich O. A. (2011) *Social'naya psihologiya spravedlivosti* [The social psychology of justice]. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN".
- Habermas J. (2005) *Politicheskie raboty* [The political work]. Moscow: Praksis.
- Habermas J. (2008) *Vovlechenie drugogo. Oчерki politicheskoy teorii* [The Involvement of other. Essays on Political Theory.]. St. Petersburg: Nauka.
- Huntington S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow: AST–Tranzitkniga.
- Hayek F. von. (1944) *The Road to Serfdom*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Helson H. (1964) Current trends and issues in adaptation-level theory. *American Psychologist*, vol. 19, no. 1, pp. 26–38.
- Herrmann R. K. (2003) Image theory and strategic interaction in international relations. Sears D. O., Huddy L., Jervis R. (eds). *Oxford Handbook of Political Psychology*. New York: Oxford Univ. Press, pp. 285–314.
- Hofstede G., McCrae R. R. (2004) Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture. *Cross-cultural Research*, Vol. 38, no. 1, pp. 52–88.
- Hui C. H. (1988) Measurement of individualism–collectivism. *Journal of Research in Personality*, vol. 22, no. 1, pp. 17–36.
- Huntington S. (1981) *American Politics: the Promise of Disharmony*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
- Inglehart R., Baker W. E. (2000) Modernization, Cultural Change, and Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, Vol. 65, no. 1, pp. 19–51.
- Inoguchi T. (2009) Clash of Values across Civilizations // R. J. Dalton, H. – D. Klingemann (eds). *The Oxford Handbook of Political Behavior*. New York: Oxford Univ. Press, pp. 240–258.
- Ivanova N. L., Mazilova G. B. (2009) Grazhdanskaya identichnost' v razlichnyh social'no-ehkonomicheskikh usloviyah [Civil Identity in different socio-economic conditions]. *Identichnost' i organizaciya v menyayushchemsya mire* [Identity and Organization in a changing world]. Moscow: Izd. dom GU VSHEH, pp. 41–56.
- Ivanova S. V. (2010) Nacional'naya identichnost' kak faktor bezopasnosti gosudarstva [National identity as a state safety factor]. *Sbornik dokladov i tezisov V mezhdvdomstvennogo seminara (konferencii) "Pogranichnaya bezopasnost' v usloviyah informacionnoj vojny"* [Sbornik reports and theses in V interdepartmental seminar (conference)]. Moscow: Pogranichnaya akademiya FSB (<http://www.pan-i.ru/nauchnie-stati/natsionalnaya-identichnost-kak-faktor-bezopasnosti-gosudarstva.html>).
- Ivanova S. Yu. (2007) Nacional'naya ideya v kul'ture sovremennoj Rossii [National idea in the culture of modern Russia]. *Nacional'naya identichnost' Rossii i demograficheskij krizis. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (Moscow, October 20–21. 2006) [National identity of Russia and population crisis. Proceedings of the Scientific Conference]. Moscow: Nauchnyj ehkspert, 2007, pp. 626–636.
- Iyengar S. S., DeVoe S. E. (2003) Rethinking the value of choice: Considering cultural mediators of intrinsic motivation. V. Murphy-Berman, J. J. Berman (ed.). *Cross-cultural differences in perspectives on the self*. Volume 49 of the Nebraska symposium on motivation. (Lincoln (Neb.): Univ. of Nebraska Press, pp. 146–191.

- Johnston D. C. (2007) Liberalism. *Encyclopedia of Governance*, SAGE Publications (<http://sk.sagepub.com/reference/governance/n300.xml?PageNum=527>).
- Jones O. (2007) Authoritarianism. *International Encyclopedia of Organization Studies*, SAGE Publications (http://sage-ereference.com/organization/Article_n31.html).
- Kahneman D., Miller D. T. (1986) Norm theory: Comparing reality to its alternatives. *Psychological Review*, vol. 9, no. 2, pp. 136–153.
- Kalhun K. (2006) *Nacionalizm* [Nationalism], Moscow: “Territoriya budushchego”.
- Kemmelmeyer M, Burnstein B., Krumov K., Genkova P., Kanagawa C., Hirshberg M. S., Erb H.-P., Wiczorkowska G., Noels K. A. (2003) Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies. *Journal of Cross-cultural Psychology*, vol. 34, no. 3, pp. 304–322.
- Kinket B., Verkuyten M. (1999) Intergroup evaluations and social context: a multilevel approach. *European Journal of Social Psychology*, vol. 29, no. 2–3, pp. 219–237.
- Kirhner F. (1895) *Istoriya filosofii s drevnejshego do nastoyashchego vremeni* [The history of philosophy from the ancient to the present time]. St.Petersburg: Izdanie knigoprodavca V.I. Gubinskogo.
- Kohn H. (1957) *American Nationalism: an Interpretive Essay*. New York: Macmillan.
- Kortunov S. V. (2009) *Nacional'naya identichnost': postizhenie smysla* [National Identity: The comprehension of meaning]. Moscow: Aspekt Press.
- Kuchukov M. M. Rossijskaya identichnost': sostoyanie i perspektivy [Russian identity: state and prospects]. *Nacional'naya identichnost' Rossii i demograficheskij krizis. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (Moscow, October 20–21, 2006.) [National identity of Russia and population crisis. Proceedings of the Scientific Conference]. Moscow: Nauchnyj ehkspert, 2007, pp. 602–607.
- Lamont J., Favor C. (2014) Distributive Justice // E. N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/justice-distributive/>).
- Lebedev S. V. (2007) *Russkie idei i russkoe delo. Nacional'no-patrioticheskoe dvizhenie v Rossii v proshlom i nastoyashchem* [Russian ideas and Russian business. The national-patriotic movement in Russia in the past and the present]. St. Petersburg: Aletejya.
- Levin K. (2000) *Razreshenie social'nyh konfliktov* [Resolution of social conflicts]. St. Petersburg: Rech'.
- Lim J. S. (2007) Authoritarianism. *Encyclopedia of Political Communication*, SAGE Publications (http://sage-ereference.com/politicalcommunication/Article_n36.html).
- Lipset S. M. (1963) *The First New Nation*. New York: Basic Books.
- Markus H. (1977) Self-schemata and processing information about the self. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 35, no. 2, pp. 63–78.
- Martin J. L. (2001) “The Authoritarian Personality,” 50 Years Later: What Lessons Are There for Political Psychology? *Political Psychology*, vol. 22, no. 1, pp. 1–26.
- McCall J., Simmons J. L. (1978). *Identities and interactions: an examination of human associations in everyday life*. New York: Macmillan.
- McClosky H., Zaller J. (1984) *The American Ethos: Public Attitudes toward Capitalism and Democracy*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
- Montesquieu Ch.L. (1999) *O duhe zakonov* [The Spirit of Laws]. Moscow: Mysl'.
- Nemychenkov V. I. (2014) Rossiya, XXI vek: vybor sud'by [Russia, XXI century: the choice of fate]. *Russkaya narodnaya liniya. Dekabr' 2014* (http://ruskline.ru/analitika/2014/12/15/rossiya_xxi_vek_vybor_sudby/).
- Nye J. S. (2008) *Power to Lead: Soft, Hard, and Smart*. Cary (N.C., USA): Oxford Univ. Press.
- O'Neill M. (2008) Authoritarian personality. *Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Society*. SAGE Publications (http://sage-ereference.com/ethnicity/Article_n47.html).
- OEMW (2008) – *Oxford Encyclopedia of the Modern World*. P.N. Stearns (ed.) – Oxford Univ. Press, 2008. Current Online Version: 2012 (<http://82.179.249.32:2394/view/10.1093/acref/9780195176322.001.0001/acref-9780195176322-e-653>).
- OM (2015) – *Obshchestvennoe mnenie – 2014* [Public Opinion – 2014]. Moscow: Levada-Centr.
- Orwell G. (1992) *Zametki o nacionalizme* [Notes on Nationalism]. EHsse. Stat'i. Recenzii, Perm': “KAPIK”, pp. 236–256.
- Oyserman D., Coon H.M., Kemmelmeier M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, vol. 128, no. 1, pp. 3–72.
- Panarin A. S. (1995) *Rossiya v Evrazii: Geopoliticheskie vyzovy i civilizacionnye otvety // Social'naya filosofiya i filosofskaya antropologiya: Trudy i issledovaniya* [Russia in Eurasia geopolitical civilizational challenges and responses. Social philosophy and philosophical anthropology: Works and studies]. Moscow: In-t filosofii RAN, pp. 10–43.

- Phelps E. S. (1987) Distributive justice. J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds). *The New Palgrave Dictionary of Economics Online*, Palgrave Macmillan (http://proxylibrary.hse.ru:3951/article?id=pde1987_X000607).
- Pinto D. (1996) *Mezh dvuh mirov. Evropejskaya kul'tura i amerikanskaya demokratiya* [Between two worlds. European culture and American democracy]. Moscow: Ad Marginem.
- PRC (2013) – Pew Research Center, December 2013, “*America’s Place in the World 2013*” (<http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/12-3-2013%20APW%20VI.pdf>).
- PRC (2014^a) – Pew Research Center, March 28, 2014, “*Shrinking Majority of Americans Support Death Penalty*” (<http://www.people-press.org/files/2015/04/04-16-15-Death-penalty-release.pdf>).
- PRC (2014^b) – Pew Research Center, June, 2014, “*Beyond Red vs. Blue: The Political Typology*” (<http://www.people-press.org/files/2014/06/6-26-14-Political-Typology-release1.pdf>).
- PRC (2015) – Pew Research Center, April, 2015, “*Less Support for Death Penalty, Especially Among Democrats*” (<http://www.pewforum.org/2014/03/28/shrinking-majority-of-americans-support-death-penalty/>).
- Preobrazhenskij A. (1910–1914) *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 2 t.* [Dictionary of Russian language. In 2 volumes]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko.
- Primoratz I. (2015) Patriotism. E. N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>).
- Reynolds K. J., Turner J. C., Nyla R. Branscombe N. R., Mavor K. I., Bizumic B., Subasic E. (2010) Interactionism in Personality and Social Psychology: an Integrated Approach to Understanding the Mind and Behaviour. *European Journal of Personality*, vol. 24, no. 5, pp. 458–482.
- Rawls J. (2010) *Teoriya spravedlivosti. Izd. 2-e.* [Theory of justice, 2 ed.]. Moscow: Izd-vo LKI.
- Saltykov-Shchedrin M.E. (1988) *Za rubezhom* [Abroad]. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobr. soch. V 10 t., t. 7*, Moscow: Pravda, pp. 5–270.
- Samelson F. (1986) Authoritarianism from Berlin to Berkeley: On social psychology and history. *Journal of Social Issues*, Vol. 42, no. 1, pp. 191–208.
- Schatz R. T., Staub E., Lavine H. (1999) On the Varieties of National Attachment: Blind v. Constructive Patriotism. *Political Psychology*, vol. 20, no. 1, pp. 151–174.
- Schwartz B., Kim M. (2002) Honor, Dignity, and Collective Memory. K. A. Cerulo (ed.). *Culture in Mind: Toward a Sociology of Culture and Cognition*. New York: Routledge. pp. 209–226 (<http://www.barryschwartzonline.com/HonorDignityCM.pdf>).
- SGI (2015) – Stratfor Global Intelligence “Decade Forecast: 2015–2025”, February. 23, 2015 (<https://www.stratfor.com/sample/forecast/decade-forecast-2015-2025>).
- Shapiro I. (2011) *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnyh naukah* [The Flight from Reality in the Human Sciences]. Moscow: GU-VSHEH.
- Spengler O. (2009) *Zakat Zapadnogo mira. Ocherki morfologii mirovoj istorii: V 2. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of the West: Volume II: Perspectives of World-history]. Moscow: Akademicheskij proekt, pp. 145–242.
- Smith R. M. (1988) The ‘American Creed’ and American Identity: the Limits of Liberal Citizenship in the United States. *Western Political Quarterly*, vol. 41, no. 2, pp. 225–251.
- Sorokin P. A. (1967) The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 370, National Character in the Perspective of the Social Sciences (March, 1967), pp. 99–115.
- Sternberger B. (1990) *Verfassungspatriotismus* (Schriften, vol. 10), Frankfurt. M.: Insel Verlag, pp. 11–31.
- Stryker S. (2002) *Symbolic interactionism: a social structural version*, Caldwell (N.J.): Blackburn.
- Stryker S., Burke P. J. (2000) The Past, Present, and Future of an Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*, Vol. 63, no. 4. Special Millenium Issue on the State of Sociological Social Psychology, pp. 284–297.
- Tajfel H. (1981) *Human groups and social categories*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Tajfel H., Turner J. C. (1979) An integrative theory of intergroup conflict. G. Austin, S. Worchel, (eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*, Monterey (Cal): Brooks/Cole, pp. 33–47.
- Tatarskij K. A. (2007) Nasledie K. N. Leont'eva i russkaya ideya [Heritage of K. N. Leontiev and the Russian Idea]. *Nacional'naya identichnost' Rossii i demograficheskij krizis. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (Moscow, October 20–21, 2006) [National identity of Russia and population crisis. Proceedings of the Scientific Conference]. Moscow: Nauchnyj ehkspert, pp. 756–759.
- Tihonova N. E. (2014) Fenomen bednosti v sovremennoj Rossii [The phenomenon of poverty in modern Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 7–19.
- Tishkov V. A. (2013) *Rossijskij narod: istoriya i smysl nacional'nogo samosoznaniya* [The Russian people: history and sense of national identity]. St. Petersburg: Nauka.

- Trenin D. (2006) *Integraciya i identichnost': Rossiya kak "novyj Zapad"* [Integration and Identity: Russia as a "new West"]. Moscow: Izd-vo "Evropa".
- Triandis G. (2007) *Kul'tura i social'noe povedenie: uchebnoe posobie* [Culture and social behavior: a tutorial]. Moscow: FORUM.
- Turner J. C., Hogg M. A., Oakes P. J., Reicher S. D., Werherell M. S. (1987) *Rediscovering the social group: a self-categorization theory*. Oxford: Blackwell.
- Turner J. C., Oakes P. J. (1986) The significance of the social identity concept for social psychology with reference to individualism, interactionism and social influence. *British Journal of Social Psychology*, Vol. 25, no. 3, pp. 231–252.
- Turner J. C., Oakes P. J., Haslam S. A., McGarty C. (1994) Self and Collective: Cognition and Social Context. *Personality and Psychology Bulletin*, vol. 20, no. 5, pp. 454–463.
- Tversky A. (1977) Features of similarity. *Psychological Review*, vol. 84, no. 4, pp. 327–352.
- Tyler T. R., Blader S. L. (2003) The Group Engagement Model: Procedural Justice, Social Identity, and Cooperative Behavior. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 7, no. 4, pp. 349–361.
- Urnov M. Y. (2013) Social'nyj liberalizm v Rossii (vzglyad politologa) [Social liberalism in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 30–43.
- Vajnek Eh. (2006) Vnutrenne- i vneshnenapravlyaemoe povedenie [Inner/outer-directed behavior]. R. Korsini, A. Auehrbah. *Psihologicheskaya ehnciklopediya* [Philosophical encyclopedia]. St. Petersburg.: Piter, pp. 82–84.
- Vdovin A. I. (2007) "Russkij vopros" i "rossijskaya naciya" na sovremennom ehtape ["Russian question" and the "Russian nation" at the present stage]. *Nacional'naya identichnost' Rossii i demograficheskij krizis. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (Moscow, October 20–21, 2006) [National identity of Russia and population crisis. Proceedings of the Scientific Conference]. Moscow: Nauchnyj ehkspert, pp. 140–152.
- Walen A. (2015) Retributive Justice. E. N. Zalta (Ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/archives/sum2015/entries/justice-retributive/>).
- Weber M. (1946) *Essays in Sociology*. Translated, edited, and with an introduction by H. H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford Univ. Press.
- Weber M. (1978) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. G. Roth and C. Wittich (eds.), Vol. 1, 2, Berkeley–Los Angeles–London: Univ. of California Press.
- Weiss H. (2003) A Cross-national Comparison of Nationalism in Austria, The Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland. *Political Psychology*, vol. 24, no. 2, pp. 377–401.
- Welzel C., Inglehart R. (2008) The Role of Ordinary People in Democratization. *Journal of Democracy*, vol. 19, no. 1, pp. 126–140.
- Westle B. (2011) Identity, Social and Political. B. Badie (ed.) *International Encyclopedia of Political Science*, Thousand Oaks (Cal): Sage Publications, pp. 1131–1142 (<http://site.ebrary.com/id/10582147??ppg=1656>).
- Wildavsky A. (1982) The Three Cultures: Explaining Anomalies in the American Welfare State. *Public Interest*, no. 69, pp. 45–58.
- Williams R. M. (1960) *American Society: a Sociological Interpretation*. New York: Knopf.
- Wirth L. (1936) Types of Nationalism. *American Journal of Sociology*, vol. 41, no. 6, pp. 723–737.
- Yarskaya-Smirnova V.N. (2007) Nacional'naya identichnost': formula grazhdanskoj nacii [National identity: the formula of a civic nation]. *Nacional'naya identichnost' Rossii i demograficheskij krizis. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (Moscow, October 20–21, 2006) [National identity of Russia and population crisis. Proceedings of the Scientific Conference]. Moscow: Nauchnyj ehkspert, pp. 617–625.